

OBITUARY

Вера Борисовна Ковалевская

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
теории и методики Института археологии
РАН (117292 Москва,
ул. Дм. Ульянова, д. 19)
E-mail: kovalevskayavb@iaran.ru

**СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ
О ВЫСОКОГОРНОМ ТЛИ В ПАМЯТЬ
О БАГРАТЕ ВИССАРИОНОВИЧЕ ТЕХОВЕ**

Аннотация. Статья представляет собой научно-мемуарный очерк, посвящённый памяти выдающегося кавказоведа и археолога Баграта Виссарионовича Техова. Автор, В. Б. Ковалевская, рассказывает о многолетнем сотрудничестве с Теховым, его вкладе в исследование кобанской и тлийской культур, а также о значении Тлийского могильника для понимания этногенеза народов Кавказа. В тексте сочетаются личные воспоминания и научный анализ — в частности, рассматриваются вопросы происхождения и распространения скифских акинаков, роль Северного Кавказа как центра культурных и миграционных процессов в VII–V вв. до н. э., а также вклад Техова в развитие кавказской археологии. Статья наполнена глубоким уважением к личности учёного, чья деятельность связала поколения археологов и внесла неоценимый вклад в сохранение исторического наследия региона.

Ключевые слова: Баграт Виссарионович Техов; Вера Борисовна Ковалевская; Тлийский могильник; кобанская культура; скифы; акинаки; этногенез Кавказа; археология; Северный Кавказ; кавказоведение.

Для цитирования: Ковалевская В. Б. Странички воспоминаний о высокогорном Тли в память о Баграте Виссарионовиче Техове, NARTAMONGÆ. 2025. Vol. XX. С. 340–350.

Рукопись поступила в редакцию 13.10.2025

Рукопись принята к печати 20.10.2025

Vera Borisovna Kovalevskaya

Dr., Leading Researcher, Department
of Theory and Methodology, Institute
of Archaeology, Russian Academy
of Sciences (117292 Moscow,
19 Dm. Ulyanova St.)

Email: kovalevskayavb@iaran.ru

PAGES OF MEMORIES OF THE HIGHLAND TLI IN MEMORY OF BAGRAT VISSARIONOVICH TEKHOV

Abstract. This article is a scholarly memoir dedicated to the memory of the eminent Caucasus scholar and archaeologist Bagrat Vissarionovich Tekhov. The author, V. B. Kovalevskaya, discusses her long-standing collaboration with Tekhov, his contribution to the study of the Koban and Tli cultures, and the significance of the Tli burial ground for understanding the ethnogenesis of the peoples of the Caucasus. The text combines personal recollections and scholarly analysis, examining in particular the origins and spread of the Scythian Akinakes, the role of the North Caucasus as a center of cultural and migration processes in the 7th–5th centuries BC, and Tekhov’s contribution to the development of Caucasian archaeology. The article is filled with profound respect for the scholar, whose work connected generations of archaeologists and made an invaluable contribution to the preservation of the region’s historical heritage.

Keywords: Bagrat Vissarionovich Tekhov; Vera Borisovna Kovalevskaya; Tli burial ground; Koban culture; Scythians; Akinakes; ethnogenesis of the Caucasus; archaeology; North Caucasus; Caucasian studies

For citation: Kovalevskaya, V. B., “Pages of Memories of the Highland Tli in Memory of Bagrat Vissarionovich Tekhov,” NARTAMONGÆ. 2025. Vol. XX. P. 340–350.

Received on 13.10.2025

Accepted on 20.10.2025

Чем дольше ты живешь, тем важнее для тебя становятся уже ушедшие твои коллеги-друзья. Археология для нас всех тем и ценна, что коллеги на всю жизнь становятся твоими друзьями, а их уход всегда невосполним.

Познакомилась я с Багратом Виссарионовичем более полувека назад; я считаю не по его книгам или встречам на кавказских конференциях в конце 50-х годов. Главная встреча состоялась в Южной Осетии, в институте,

Б. В. Техов и Л. А. Чибиров

где Баграт Виссарионович был полноправным хозяином, а семьей его были потрясающей красоты тлийские находки. Я как сейчас помню, как торжественно он вносит на вытянутых руках, лотки за лотком, как бы на вышитой золотом бархатной бордовой подушке аккуратные разноразмерные коробки и коробочки, наполненные украшениями и оружием из Тли. Это была настоящая магия — лицезреть, как Техов извлекал их из белизны мягкой бумаги, и было понятно, что это чудо он мог доверить только себе, отказавшись от помощи лаборантов. Баграт Виссарионович трепетал над каждой находкой, будто отец над своими малыми детьми. Никогда я не встречала ни у кого из знакомых мне археологов такой трепетной, постоянной любви к своим наход-

кам, будь то бронзовый гравированный боевой топорик или железный кинжал-акинак, прекрасная бусина или роскошный пластинчатый бронзовый орнаментированный пояс со сценками охоты на оленя, сражения на боевых колесницах или битвы всадников с пехотинцами, булавка или литая пряжка. Баграт Виссарионович не в силах был скрыть тех чувств, которые охватывали его, когда он прикасался к извлеченным им из земли находкам — словно к беззащитным существам, за которых он «всегда в ответе», и которые безусловно нуждались в его опеке. И так было всегда, когда бы я ни приезжала, а ведь было и так, что приезжала я не менее раза в год, так как часто у меня в один полевой сезон была в плане сначала, к примеру, Красная Поляна, затем Карачаево-Черкесия или Северная Осетия, когда ближе и интереснее было проехать через Закавказье, чем обогнуть Кавказский Хребет с Запада. Слов нет, тлийские кобанские находки обладают изысканной красотой, они специфичны и уникальны — и поистине несравненны, ведь это свой особый мир! Когда в середине XIX века они стали известны миру — сначала кавказскому, а затем российскому и европейскому, они

произвели столь ошеломляющее впечатление на весь европейский культурный мир, что экспонаты Кобанской культуры в экспозиции стали знамениты и востребованы во многих музеях мира, помимо Владикавказа и Тифлиса, Ашмолеан музея в Британии и Сен-Жермен-де-Прэ во Франции, Санкт-Петербурга и Москвы.

По мере развития научных исследований меня всегда интересовали все новые исторические проблемы и факты, их отражающие. Вначале, когда я работала над книгой «Конь и всадник», мне важно было пересмотреть все изображения верхового и колесничного коня (как и во многих случаях это был один и тот же экстерьерный тип — несмотря на то, что на Ближнем Востоке в бою сначала использовались колесницы, а конные подразделения всадников возникли значительно позже; степи же были родиной кочевничества и всадников). На поясах и позже на топорах можно было разглядеть конскую узду, иногда увидеть высокую заднюю луку седла, на узде — изображение свисающей отрубленной головы врага, что находит соответствие в «скифском логосе» Геродота, где он рассказывает об обычае скальпировать поверженного противника и украшать этим трофеем узду коня у скифов.

Уже позднее, когда я вела раскопки позднекобанского могильника с сильным скифским влиянием VII–V вв. до н. э. Уллу-Баганалы в Приэльбрусье, для уточнения датировок было необходимо внимательно рассмотреть все погребения Тли скифского периода. Появился и повод. У Баграта Виссарионовича в нашей лаборатории производилась реставрация, консервация и изучение металла коллекции акинаков из Тли, которые требовали тщательной и бережной перевозки в Цхинвал. Легко и радостно мне было это сделать, поскольку раскопки я вела в Верхнем Кобане (правда, средневекового могильника).

Акинаки стали настолько красивы, остры и потенциально опасны, что стало понятно, почему они были в такой цене в бою — у их владельцев, и у археологов — в артефактах, содержащих кладези информации о дате и культурных связях. Баграта Виссарионовича очень занимал вопрос о роли скифов в истории Кавказа.

Скифское влияние и в самом деле сыграло очень большую роль в этногенезе народов Кавказа. Археологами изучены всемирно известные скифские курганные могильники в степной зоне и смешанные скифо-кобанские могильники в предгорьях, расположенные вблизи поселений с каменным домостроительством и традиционной кобанской материальной культурой. На протяжении времён происходит смешение местных и пришлых черт, причем из новаций скифского времени следует отметить

изменение в оружии (замена бронзового оружия более эффективным — железным), появление предметов скифского звериного стиля, находки скифских котлов как в степных, так и в предгорных районах Северного Кавказа и сохранение их в быту кавказских горцев до недавнего прошлого.

Мне хочется остановиться на анализе скифских кинжалов-мечей — акинаков. Я придерживаюсь гипотезы об их северокавказском происхождении из биметаллических кинжалов кабардино-пятигорского типа. Подкрепляют ее и данные языкознания. В 2012 году С.В. Кулланда выдвинул предположение, что слово «акинак» не является по своему происхождению исконно иранским, и, вероятнее всего, «происходит из пранахского *hâhki («железо») <...> +in (суффикс прилагательных) nekV (ср. бацбийское nek «нож»), «железный нож» <...> возможное северокавказское происхождение слова показательно в свете споров о генезисе акинака» [Раевский, Кулланда, Погребова, 2013: 179]. Если добавить указанную гипотезу к картографическим материалам, изложенным далее, то она выглядит не только убедительной, но и доказательной.

Будучи оружием ближнего боя, скифские акинаки никогда не играли первостепенной роли в вооружении скифских воинов, прежде всего конных стрелков-лучников. В арсенале скифского наступательного вооружения мечи и кинжалы занимают третье место после лука со стрелами и копий. Обязательными они были у военной аристократии, и лишний раз доказывает, что погребения в Тли со скифскими акинаками маркировали присутствие верхушки скифской знати среди местного населения, оставившего могильники.

Кратко остановлюсь на Базе данных «Акинак», созданной для анализа передвижений скифов в VII–V вв. до н. э.; ведущим скифоведом нашего института, А. И. Мелюковой была создана новая дробная классификация, учитывающая сочетание форм наконечников, перекрестий, рукояти и размеров, адаптированная к материалам Северного Кавказа совместно с В. Г. Петренко, использованная для закавказских древностей М. Н. Погребовой, и для савроматских — М. А. Очир-Горяевой. Все акинаки скифов вводились А. И. Мелюковой с уточненной типологией с датами по сопутствующему материалу в археолого-географическую Базу данных «Акинак» по скифскому оружию: коллективными усилиями внесены материалы из 279 могильников (490 погребений); 557 акинаков объединены в 88 типов, 14 групп, 3 хронологических периода, что является значительно более дробной классификацией, чем та, которая сейчас применяется всеми археологами России по классификации А. И. Мелюковой 1964 года. Она более

дробна примерно в пять раз, а это означает, что этим мы значительно усилили прогностические возможности той географической лицензионной программы GGMag, Map Developer Studio, которой мы пользовались для построения карт.

Сейчас необходимо дать некоторую методическую справку.

Прежде чем попасть к нам в работу, мы считаем очень важным то обстоятельство, что должно пройти несколько этапов случайной выборки изучаемого материала; из всей суммы погребений оказывались бы выделены погребения воинов, из последних — погребения, содержащие *акинаки* (порядка сотни типов). Далее из всего зафиксированного разнообразия данных мы выбираем тот или иной таксон (или их группу), который представлен максимально. Деление на три хронологические группы протяженностью 50–60 лет, позволяет нам считать, что за теми пространственно-временными связями, которые читаются на картах географического распространения каждого из акинаков определенного типа, стоят пути передвижений древнего населения, направления которых так же, как и интенсивность, могут быть выявлены из сопоставления между собой разного типа диахронных карт. Картирование акинаков, редких событий в скифологии, несет на себе большую информацию о событиях культурной истории — тем большую, чем больше процедур последовательного выбора мы совершили. В этом преимущество на методическом уровне редких событий над массовыми, а такое многократное усреднение выявляет основные тенденции их распространения во времени и пространстве.

Выделенный нами период VII–V вв. до н. э. опирается на даты комплексов, из которых происходят акинаки. В первый хронологический этап выделено около 60 находок, датированных второй половиной VII — рубежом VII–VI вв. до н.э. Он соответствует выделенному А. И. Мелюковой раннескифскому периоду, второму этапу по В. Ю. Мурзину, третьему этапу по А. Ю. Алексееву, в котором последний видел «финал киммерийской и скифской истории в Передней Азии; время «гегемонии» второго поколения скифов (эпоха царя Мадия <...>), начало масштабного освоения скифами предгорий Северного Кавказа и Днепровской лесостепи» [Алексеев, 2003, с. 27].

Во второй хронологический этап входит около 40 находок, датированных исследователями VI в. до н. э. Начинать этап следует со второй трети VI в. до н. э., памятуя о том, что исследователи свидетельствуют о некоторой лакуне внутри первой половины VI в. до н. э. [Алексеев, 2003: 154], что, возможно, и является объективной причиной такого членения. Второй этап нашей группировки памятников соответствует третьему этапу

В. Ю. Мурзина и четвертому этапу скифской культуры по А. Ю. Алексе-еву. Третий этап нашего хронологического членения датируется рубежом VI–V вв. и V веком до н. э. и соответствует среднескифскому этапу А. И. Мелюковой, четвертому этапу В. Ю. Мурзина и пятому-шестому и началу седьмого этапа А. Ю. Алексеева.

Третий этап объединяет подавляющее большинство скифских акинаков (около 80% от включенных в Базу данных), поэтому компьютерные карты, если бы мы их рассматривали для всего массива акинаков, отражали бы те тенденции, которые характеризуют именно этот третий промежуток времени, то есть V в. до н. э., и мы не получили необходимой нам информации об изменении путей между Кавказом и Северным Причерноморьем внутри VII–V вв. до н. э. Поэтому, изучая карты распространения акинаков по первым трем этапам VII–V вв. до н. э., и сравнивая их между собой, мы можем оценить динамику изменения путей во времени. Центром, вернее, импульсом этого движения остается Предкавказье. Главным является то, что все карты VII–V вв. до н. э. указывают на импульс движения с востока на запад, а именно из Центрального Предкавказья (что для античных авторов Азия, но для нас то это Европа, и это следует помнить (!) в Северном Причерноморье (Европу для нас, а для Геродота от Танаиса на восток, где ареал савромат, это Азия). Когда современные исследователи пишут о передвижениях скифов, они, как правило, пишут «из глубин Азии», но если проверить текст Геродота, то там нет «глубин Азии», а есть просто — «из Азии». Так не означает ли это, что по Геродоту скифы в Северное Причерноморье пришли через Танаис с Северного Кавказа? Ведь для Геродота это Азия. Я предлагаю этот вывод в качестве гипотезы, но это давно подтверждено палеоантропологическими данными. Европейские скифы существенно отличаются от азиатских (саков, массагетов), последние палеогенетические данные тоже это подтверждают, также, как и данные карты распространения акинаков VII–V вв. до н. э. Северный Кавказ дает максимум разнообразия типов (50 из 87), максимальную концентрацию, в его памятниках встречено 22 таксона, более нигде не встреченных. Я предложила представление о том, что все европейские скифы пришли с Северного Кавказа, который сегодня официальной наукой считается Европой; значит, не из Азии, и, тем более, не из «далекой Азии», и я надеюсь, что в ближайшее время это уже станет достаточно обоснованным и истинным, к этому подходят многие ведущие скифологи. В этой связи я не могу не сказать о том, что я никогда не смогу согласиться со сторонниками Баграта Виссарионовича об индоевропейской принадлежности кобанских племен Кавказа, однако мы никогда не обсуждали с ним эту тему. Дело в том, что он верил в

это, и я знала, почему — потому, что слишком по-человечески любил он свои памятники кобанской культуры, ведь когда причиной тому является любовь и вера, а Багра́т Виссарионович всем сердцем верил, а я — нет, то спорить, по меньшей мере, сложно. При этом считаю, что, скорее всего, население кобанской или кобано-колхидской культуры говорило на языке западной адыго-абхазской ветви прасеверокавказского языка, о чем свидетельствует и сравнительное языкознание по В. И. Абаеву и данные геногеографии Кавказа [Ковалевская, 2022], я думаю, что когда-нибудь будут найдены следы связи кобанского населения эпохи бронзы с огромными массовыми переселениями IV–II тыс. до н. э. с территории Ближнего Востока на северо-западный Кавказ. Пока это тоже остается моей гипотезой.

Чтобы закончить с анализом акинаков, куда ярким вкладом вошли прекрасные образцы из Тли, скажу о нитях, связывающих Северный Кавказ с Европой и Ближним Востоком.

В целом каркас коммуникационных сетей заполняет лесостепную и степную части Восточной и Центральной Европы и Кавказ. Северный Кавказ при максимальной насыщенности находками акинаков, в особенности наиболее древними (189 из 557 экз.), большом их разнообразии (50 типов из 85) и наибольшем в сравнении с другими регионами проценте местных уникальных форм (22 таксона), мы рассматриваем в его историко-географическом единстве как источник и импульс распространения акинаков по всем рассмотренным направлениям (из зоны максимальной концентрации и разнообразия). На всех картах он заведомо является источником разнонаправленного движения. Мы можем получить информацию о том, что часть путей (или их отрезков) использовались на протяжении всего времени (например, Муравский шлях) тогда как часть путей находились в употреблении только в раннее время, а другие возникли лишь в VI или V вв. до н. э. На протяжении всего VII–V вв. до н. э. пути сдвигались к югу, степное население как магнитом притягивалось к античным городам, иранство двигалось к эллинизму, к его предметам роскоши, отдавая в обмен зерно. (подробнее смотри Ковалевская, 2005).

В завершении статьи хочу еще раз остановиться на той роли, которую для мировой и кавказской археологии играют многолетние работы моего дорогого друга — она заключается в его раскопках в суровых высокогорных условиях, это высоты Большого Кавказа, а также написанных им книгах, я бы сказала — это библиотека по поздней бронзе-раннему железу Кавказа.

Близкие между собой по материалу Кобанский и Тлийский могильники — это эталонные и эпонимные памятники, по которым, особенно если их обогатить новыми материалами, выявленными при работах над водохранилищем Зарамагской ГЭС, одним из ведущих специалистов по проблемам происхождения и развития кобанской культуры Х. Т. Чшиевым, который раскопал третий памятник, близкий к Тли и Кобану, запланировано продолжить работу в этом направлении при временном спуске воды из водохранилища. Имея такой массив, в котором могильнику Тли принадлежит важнейшее место, можно будет во всеоружии подойти ко всей проблематике происхождения кобанской культуры на Кавказе, тем более, что эти вопросы теснейшим образом связаны с этногенезом всего того населения, которое заселяет сегодня как Северный, так и часть Южного Кавказа.

Я благодарю Баграта Виссарионовича за плодотворную и теплую поездку на экспедиционной машине после раскопок в Верхнем Кобане, когда мы прибыли в Цхинвал. В процессе этой поездки нам удалось обойти и объездить (верхом) все окрестности Тли, недалеко от Рокского туннеля, после чего Баграт Виссарионович отправился на полевые работы в Тли. Так как я не геолог и не геоморфолог, мне сложно профессионально охарактеризовать местоположение Тлийского могильника, ибо он покрыт напластованиями нескольких древних селевых потоков с высокого, вертикально поднимающегося величественного хребта Большого Кавказа. Рядом со свободно расположенными на склоне домами жителей Тли, церковью, скорее всего, довольно поздней; задернованный, но без деревьев, медленно, хотя и круто спускающийся склон. Это пространство составляет порядка 500×1000–1200 метров поверхности тех селей, которые погребли огромный могильник из каменных ящиков и гробниц разных конструкций, и, наверное, еще неоткрытое поселение также, скорее всего с сооружениями из камня. Это кавказские Помпеи. Слой селя неравномерен, по мощности от 5–10 до 20 и местами значительно больше метров сошедшего с Большого Кавказа. Мы оказались в Тли примерно за 7–10 дней до основных работ. В этот момент несколько рабочих на месте селя углубляли раскоп в 100–150 м², который располагался вдоль столбов, врытых в землю на расстоянии в 10–15 м друг от друга, что отмечает предшествующие раскопки, когда была известна глубина (в конце раскопок могильники закапываются практически на ту же высоту, чтобы природные события не повредили еще не раскопанные погребения). Мы втроем, ближайшие друзья-коллеги — кавказовед Мария Николаевна Погребова, скифолог Дмитрий Сергеевич Раевский и я приехали из Кобана после раскопок, и вместе с Багратом

Виссарионовичем провели круглый стол, посвященный проблематике Тли в истории Кавказа. Наше заседание продолжалось практически весь день, и к финалу оно плавно завершилось застольем в обществе местных жителей, для которых Тлийский могильник был местно-чтимым святилищем, чем-то кровно своим, личным, что в действительности является историческим фактом. И сейчас уже не только по историческим свидетельствам, но и по археологическим фактам мы знаем, что аланская культура в конце I — начале II в. н. э. сложилась из местного северокавказского кобанского населения, смешавшегося сначала со скифами, а позднее с сарматами, и в I в. н. э. скорее всего говорившего и на местном кавказском языке, и на иранском — скифо-сарматском. Поэтому для носителей местного кавказского языка на Северном Кавказе переход на аланский язык алан-массагетов, со II в. н. э. произошел естественно и безболезненно, да и сами аланы-массагеты, повстречав население, говорящее на близком, и, очевидно, аорском языке, могли считать себя буквально вернувшимися на Родину, и они действительно «обрели ее!» Надолго!

С Багратором Виссарионовичем мы с благодарностью распрощались в Тли. Он остался там на раскопках, а нам было ближе до Владикавказа, чем ему до Цхинвала.

Далее наши встречи с Багратором Виссарионовичем стали более частыми; они проходили во Владикавказе, в музее, в университете или в каком-нибудь из научных институтов. Встречи эти продолжали оставаться теплыми и интересными, но другими. Важнее и глубже были встречи в Цхинвале и Тли.

Есть сильное ощущение того, что я считаю самым главным — Время проходит, люди уходят согласно законам природы, но Память о них не только не покидает, но и усиливается, приобретая более глубокие оттенки. Так же сильно нарастает и благодарность им, поскольку «сохраненные и сбереженные Землей» археологические памятники, раскопанные и изданные ушедшими уже археологами, способствуют продолжению их жизни в памяти живых, в музеях и библиотеках, привнося из года в год всё более полную, бесценную информацию о Древней жизни человечества. В этом — сила Жизни и Науки, что помогает нам продолжать свой жизненный процесс, работать и вносить всем вместе возможно больший вклад в историю древней жизни Кавказа. А Баграт Виссарионович, крепчайшими нитями связан не только с ныне живущими археологами, но и с каждым жителем Осетии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб; изд-во Гос. Эрмитаж. 2003. — 416 стр.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., ОНТИ ПНЦ, РАН. 2005. — 397 стр.

Ковалевская В. Б. Геногеография и археология Кавказа — культурогенез алан. Научное издание. Изд-во ИР Владикавказ 2022, 114 с. илл.

Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. Институт востоковедения РАН, М., 2013.

REFERENCES

Alekseev A. Yu. Chronography of European Scythia VII–IV centuries BCE. St. Petersburg: State Hermitage Publishing, 2003. 416 pp. (in Russian)

Kovalevskaya V. B. The Caucasus — Scythians, Sarmatians, Alans, 1st millennium BCE — 1st millennium CE. Moscow: ONTI PNTS RAS, 2005. 397 pp. (in Russian)

Kovalevskaya V. B. Genogeography and Archaeology of the Caucasus — Cultural Genesis of the Alans. Scientific Edition. Vladikavkaz: IR Publishing, 2022. 114 pp., ill. (in Russian)

Raevsky D. S., Kullanda S. V., Pogrebova M. N. Visual Folklore: Poetics of the Scythian Animal Style. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2013 (in Russian)